
Проф. д-р Н. Д. УСПЕНСКИЙ
(Ленинград)

ТРОПАРЬ АПОСТОЛУ ЛУКЕ
В ГРЕЧЕСКОМ ЕГО ПОДЛИННИКЕ

В современной русской службе апостолу и евангелисту Луке 18 октября, кроме общеапостольского тропаря (глас 3): „Апостоле святой и евангелисте Луко, моли милостиваго Бога...“, имеется еще нарочитый тропарь апостолу Луке (глас 5): „Апостольских деяний сказателя и евангелия Христова светла списателя, Луку препетаго, неисписанна суща Христовае церкви, песньми священными святаго апостола похвалим, яко врача суща человеческия немощи, естества недуги и язи душ исцеляюща, и молящася непрестанно за души наша“.

В этом тропаре непонятна фраза: „неисписанна суща Христовае церкви“. Что она означает?

Надо заметить, что в современной греческой службе этого тропаря нет, но в более ранних он был, так что славянский текст его является переводом с греческого.

В хранящейся в Ленинградской Публичной библиотеке греческой рукописной минее XII века (шифр Гр. 227, лист 87) этот тропарь изложен так: *Τῶν ἀποστόλων πράξεων ὑφηγητήν καὶ τῶν εὐαγγελίων τοῦ Χριστοῦ λαμπρὸν ἐξηγητήν Δουκᾶν τὸν αἰδίδιμον ἀνάγραπτον ὃν ταυτῆ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησιᾶ ἄσματος ἐροῖς τὸν ἱερόν ἀπόστολον εὐφρῆσμεν ὡς ἱατρὸν γενόμενον τῆς ἀνιῆς ἀσθενείας καὶ φώσεως νόσους καὶ μαλακίας τῶν ψυχῶν ἐξίωμενον καὶ παραβέβοντα ἄπαυστως ὑπὲρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν.*

Сличение греческого текста тропаря по этой минее со славянским переводом его показывает, что последний был сделан неудачно.

Уже в первой фразе тропаря: „Апостольских деяний сказателя...“ мы встречаемся с таким неудачным переводом. Переводчик греческое *ὁ ὑφηγητής* перевел славянским „сказатель“, но *ὁ ὑφηγητής*, производное от глагола *ὑφηγήσαμι* — идти впереди, указывать путь, руководить, наставлять — по своему значению больше, чем сказатель. В античной поэзии этот эпитет прилагался к тем поэтам, которые своими произведениями служили делу воспитания людей. Применяя этот эпитет к апостолу Луке, песнописец, очевидно, имел в виду сказать этим, что апостол, как составитель Книги Деяний, является не летописцем или хронографом, в чью задачу входит только сообщение исторических фактов, а писателем, поучающим христиан примером жизни и деятельности свв. апостолов.

Так же неудачна вторая фраза перевода: „и евангелия Христова светла списателя“. Греческое *ὁ ἐξηγητής*, откуда происходит современный богословский термин „экзегет“, уже никак не списатель. Этот термин взят песнописцем опять же из языка античной Греции. Там этим словом называли высших жрецов, в обязанность которых входило объяснять народу смысл того, что представлялось язычникам откровением богов, а также открывать тайны религии посвящаемым. Песнописец применил этот эпитет к апостолу Луке весьма глубокомысленно, ибо только этот евангелист сообщил нам великую тайну воплощения Сына Божия, только от него мы знаем о благовестии ангелом Захарии о грядущем родиться Предтече, только он один из евангелистов сообщает о благовещении архангелом Гавриилом Пресвятой Деве, только от него мы знаем об ангельском славо-

словии, которое слышали вифлеемские пастухи в ночь рождения Спасителя. Что песнописец имеет в виду в данном случае сообщение апостолом Лукой этих чудесных благовестий, а не написание им книги евангелия, видно из того же греческого текста тропаря, где слово „евангелие“ дано не в единственном числе, как это сделал переводчик, а во множественном — τῶν εὐαγγελίων τοῦ Χριστοῦ.

Перейдем к непонятной фразе славянского перевода: „неисписана суца Христове церкви“. В греческом она изложена так: ἀνάγραπτον ὄν ταυτῆ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ и представляет собою дополнительное предложение к предыдущему. Здесь первая ошибка переводчика была в том, что он смешал значение греческой приставки ἀνά, усиливающей смысл глагола, при котором поставлена, с приставкой ἀ, имеющей отрицательное значение, и, таким образом, глаголу ἀναγράφω — вношу в списки, учиняю надпись или титул, а в юридической терминологии — записываю в государственные акты, он придал значение глагола ἀγράφω — не пишу. Так полученное в переводе слово „неисписанна“, тогда как в действительности ἀνάγραπτον, как отглагольное прилагательное от ἀναγράφω, наоборот, означает „записанного“ или „признанного“ и перевод всей фразы будет таким: „который записан самой Церковью Божией“. Что хотел сказать этой фразой составитель тропаря, будет понятно из следующего. Известно, что в своих посланиях многие апостолы — Иаков, Петр, Иуда, Павел, Иоанн (в Апокалипсисе) — сами указывают свое имя как авторы, апостол же Лука не сделал этого ни в Евангелии, ни в Книге Деяний. Он не назвал своего имени даже там, где к этому был прямой повод, когда в Деяниях переходит от повествования в третьем лице к повествованию в первом (XX, 6). Однако Церковь считает его автором обеих священных книг. Это обстоятельство и имеет в виду составитель тропаря, когда говорит, что Лука записан самой Церковью Божией.

Но откуда наш переводчик взял слово „суца“? Ведь в греческом тексте его нет. И почему он, вставляя в перевод это отсутствующее в оригинале слово, в то же время выбросил из него, то есть из оригинала, важное для смысла всей фразы слово ταυτῆ = самой?

Разгадку этому я нашел в греческой же минее XV века, хранящейся в Ленинградской Публичной библиотеке (шифр Гр. 523). В ней интересующая нас фраза изложена так: ἀνάγραπτον ὄντα τῆ τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίᾳ (лист 41 об.). Сопоставление этой фразы с приведенной выше из минеи XII века показывает, что когда-то один из переписчиков греческого текста допустил весьма существенную ошибку. Он оторвал от местоимения ταυτῆ две первые буквы и приставил их к предыдущему относительному местоимению ὄν, в результате чего у него получилось новое слово ὄντα, представляющее собой причастие от глагола εἶμι = есмь (латинское esse), поставленное в винительном падеже мужского рода. С появлением в тропаре нового слова, лишенного всякого смысла, из него исчезло имевшее важное значение местоимение ταυτῆ. Когда произошла эта досадная ошибка, установить трудно. Одно ясно, что наш русский переводчик делал свой перевод по испорченному греческому тексту. Он не заметил этой порчи греческого оригинала и к своему неправильному переводу слова ἀνάγραπτον прибавил чуждое по смыслу причастие „суца“. Так получилась лишенная всякого смысла фраза: „неисписанна суца Христове церкви“.

Дальнейший перевод тропаря не имеет таких досадных ошибок, однако и здесь есть нечто, вызывающее недоумение. В самом деле, разве „человеческия немощи“ и „естества недуги“ не одно и то же? И откуда переводчик взял слово „человеческия“, которого в греческом оригинале нет? В греческом это место читается: ἀνιήσ ἀθθενείας καὶ ψίσως νόσους. По-видимому, наш переводчик понял первое слово этой фразы как сокращенное ἀνθρώπων, и ему ничего не оставалось делать, как допустить в переводе тавтологию — „человеческия немощи и естества недуги“. В действительности же здесь никакой тавтологии не должно быть, и ключ к пониманию всей фразы ле-

жит в правильном переводе слова ἀνίης. Ἡ ἀνία — древнее ионическое слово, буквально означающее мучение, тягость, печаль, горе. Поставленное в прямой связи с ним ἡ ἀσθένεια означает какие-то болезни, проявляющиеся в угнетенном, подавленном состоянии духа и которые теперь принято называть нервно-психическими или душевными. При таком значении первой половины фразы будет понятно, почему песнописец далее говорит о φύσις νόσος: здесь он имеет в виду уже собственно физические болезни, не связанные с поражением нервной системы и психики больного. Отсюда же будет понятно и то, что переводчик назвал „язи душ“. Греческое ἡ μалаκία имеет весьма широкое значение. Оно означает мягкость, нежность, изнеженность, роскошь, слабволюие, нерешительность, малодушие и даже грех. Если выше говорилось о душевных и телесных болезнях, то здесь, очевидно, имеются в виду всякого рода недостатки человеческой личности, делающие ее неустойчивой в борьбе с грехом.

Переводчик не делает этой дифференциации физических и чисто духовных недугов, и наименование апостола Луки врачом, которое песнописец относил только к врачеванию душевных и телесных болезней ὡς ἱατρὸν γενόμενον τῆς ἀνίης ἀσθενείας καὶ φύσις νόσος, он придает и тому, что в греческом тексте обозначено как ἡ μалаκία τῶν ψυχῶν — отсюда у него получается фраза: „яко врача суша человеческия немощи, естества недуги и язи душ исцеляюща“. В греческом же в связи с упоминанием о малакии душ употреблено причастие ἐξιόμενος. Ἐξιόω — буквально значит „очищаю от ржавчины“. В переносном смысле это какое-то духовное исправление личности человека. Это еще раз подтверждает, что автор тропаря ясно дифференцировал душевные или нервно-психические болезни от собственно физических и отличал те и другие от духовных недостатков личности. Свой тропарь он заканчивает часто употребляемой в греческих песнопениях фразой о молитве святого пред Богом о душах наших. Но употребленное в славянском переводе слово „молящася“ не вполне соответствует глаголу оригинала προσέβοντα. Προσέβω — не то же, что εὐχομαι = молюсь, прошу. Προσέβω имеет много значений и в данном случае может быть принято как соответствующее русскому „ходатайствую“. По мысли поэта, апостол Лука является не просто просителем или молящимся, а высоким ходатаем о нас, живых членах Церкви, пред Богом.

В целом тропарь в свободном от византийского стихосложения русском переводе представляется в следующем виде:

„Луку препетого, святого апостола, признанного самой Церковью Христовой писателем Деяний апостольских и светлым сказателем благовестий о Христе, восхвалим священными песнями как врача, исцеляющего душевные болезни и телесные недуги, очищающего духовные язвы и непрестанно ходатайствующего о душах наших“.